

Об авторе:

ЕГОРОВА Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; e-mail: mipe456@hotmail.com

About the author:

EGOROVA Olga Anatolyevna – Senior Lecturer of Subdepartment of Second Languages, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: mipe456@hotmail.com

УДК 1(091)

Т.Н. ГРАНОВСКИЙ О ЦЕННОСТЯХ КЛАССИЧЕСКОГО И ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.Е. Михайлова

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

Михайлова Е.Е., 2023

DOI: 10.46573/2409-1391-2023-4-14-19

***Аннотация.** Рассмотрены воззрения русского историка-медиевиста Т.Н. Грановского на смысл и общественное значение классического (гуманитарного) и реального (политехнического) образования. Указано, что Грановский подключился к спору представителей классического и политехнического образования, когда опубликовал открытое письмо министру народного просвещения России. Показано, что, являясь сторонником классического образования, Грановский не исключал важность знаний политехнического цикла, поэтому оба вида образования воспринимал как связанные, но не совпадающие целиком процессы. Сделан вывод о том, что классическое образование несет дискурсивную нагрузку, а политехническое – деятельностьную. Отмечено, что, по мнению Грановского, они способны составить гармоничное целое.*

***Ключевые слова:** Т.Н. Грановский, культура, образование классическое и политехническое.*

Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855) – ученый-медиевист, профессор кафедры всеобщей истории и декан историко-филологического факультета Московского университета – привнес существенный интеллектуальный вклад в обсуждение дилеммы классического (гимназия, университет) и политехнического (реальное училище, политехнический институт) образования в дореволюционной России. Спор между так называемыми реалистами, сторонниками приоритета политехнического знания, и сторонниками классического знания зародился в Европе в середине XVIII в., актуализировался после Французской буржуазной революции и принял массовый характер в России в середине XIX столетия. Грановский исследовал данный вопрос, когда три года обучался в Берлинском университете, а включился в полемику уже в Москве (в статусе профессора университета).

Актуальность воззрений и профессиональной деятельности Грановского не иссякла и в наше время. Слова философа-стоика Сенеки «Non scholae, sed vitae discimus» (лат. «Надо учиться не для школы, а для жизни») можно считать формулой, отражающей спор о приоритете классического / политехнического образования. Классическое образование как в середине XIX столетия, так и сегодня олицетворяет процесс накопления теоретических знаний, которые формируют у студента критическое мышление и создают условия для максимального раскрытия его способностей. Техническое образование предполагает акцент на выработке инструментально-практических знаний и навыков, востребованных в реальной жизни. Не подвергая этот тезис сомнению, исследователи усматривают разные основания дихотомии понятий «классическое» – «политехническое». Так, педагоги говорят о возможности встраивания гуманитарной модели образования в программу технического вуза [7]; психологи называют классическое образование персонализированным, создающим возможности формирования гибких компетенций, а профессиональное – специализированным [6]; философы усматривают экзистенциальные риски, связанные с расширением технической рациональности [1].

Цель статьи – рассмотреть, как оценивал Т.Н. Грановский общественную значимость классического и политехнического знания. В официальной записке А.С. Норову (министру народного просвещения, пришедшему на смену С.С. Уварову) под названием «Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены» (впервые напечатана после смерти автора, в 1860 г.) Грановский поднимает вопрос о ценностном соотношении классического и политехнического («реального» – в терминологии XIX в.) образования. Поводом для разговора послужила отмена в 1851 г. преподавания греческого языка в большей части российских гимназий. Грановский убеждает государственного деятеля, что эта мера несвоевременна, что она упрощает образование. С деятельностью С.С. Уварова, бывшего министром народного просвещения в 1833–1849 гг., он связывает подъем науки в России. Благодаря хорошо выстроенной образовательной системе наука, на его взгляд, стала независимой и самостоятельной. При этом связь русских ученых с европейской школой не только не ослабла, а, наоборот, стала развиваться на равных, т.е. в регистре обоюдного критического осмысления общих тем, считает Грановский [3, с. 454].

Классическое образование носит умозрительный характер, воздействуя на память и фантазию; реальное имеет прикладное свойство, апеллируя к практическому разуму обучающегося. Исходя из таких установок, сторонники реального направления в образовании стали настаивать, что пришло время перенести акцент с научного знания на пригодное для практики. Если учитывать промышленный бум, то с этим не могли не согласиться даже сторонники классического образования. Так, друг Грановского К.Д. Кавелин (петербургский историк) критиковал в целом французскую систему образования за излишнюю регламентацию. При этом он одобрительно отзывался о росте числа политехнических школ в стране, означая, что «профессиональное воспитание приспособляется к потребностям большинства народа» [4, с. 214].

Образцом высшего образования для Кавелина были университеты в Германии и Швейцарии. «Во Франции министр может, сидя у себя в кабинете и глядя на часы, сказать, что именно в данную минуту читается во всех французских факультетах, лицеях, колледжах; в Германии это немыслимо, и только сравнение устройства и постановлений многих университетов дает возможность проникнуть в их дух, потому что они своими особенностями дополняют и поясняют друг друга» [5, с. 11]. Ему вторит Герцен: «Во всех городах империи (во Франции) преподают в тот же день и в тот же

час, по тем же книгам – одно и то же. На всех экзаменах задаются одни и те же вопросы, одни и те же примеры, учителя, отклоняющиеся от текста или меняющие программу, немедленно исключаются» [2, т. 1, с. 582]. Таким образом, Кавелин и Герцен выводят новую дихотомию образования: классическое образование носит творческий характер, а политехническое – нормированный. Тональность рассуждений обоих мыслителей такова, что надо воспроизводить оба вида смысловой продукции в российской практике образования.

Грановский задается вопросом, какие аргументы выдвигают адепты реального образования, и суммирует их в своем ответе. Первый аргумент сводится к тому, что в обучении нужна легкость, простота и повторяемость; второй – промышленный бум требует естественно-научных и математических, а не отвлеченных знаний; третий – древнегреческий язык далек от повседневной жизни молодого человека, более того, он несет опасные для монархической системы республиканские идеи свободы выбора [3, с. 456, 457]. Аргумент реалистов о простоте обучения Грановский разбивает контраргументом. Суть его сводится к тому, что, ратуя за легкость обучения, на деле представители данного направления создают весьма насыщенные программы. Грановский утверждает, что, например, выпускник реальной школы должен владеть не только знаниями математического и естественно-научного цикла (алгебра, геометрия, физика и химия), что само собой разумеется, но также и гуманитарного (русский язык, два иностранных языка, история, право) [3, с. 463]. Делая «шаг назад», он сравнивает требования современных ему российских реальных училищ с программой первой политехнической школы в Берлине середины XVIII в. Ее ученики должны были ежедневно заниматься по одиннадцать часов, не считая времени для подготовки домашних заданий, и осваивать огромное число наук и ремесел в диапазоне, по меткому выражению Грановского, от «древних языков до выделки кож» [3, с. 455]. На этих двух примерах историк показывает важность классического образования как качественно внутреннего, а не количественно внешнего. Чтобы ученик смог освоить предлагаемый обширный материал, для начала его надо научить критически мыслить, что, собственно, и встроено в смысловую парадигму классического образования.

Другой контраргумент Грановского относительно вопроса реалистов о том, нужны ли древние языки гимназисту, выглядит следующим образом. Как сторонник классического образования, Грановский считает, что образование должно быть направлено не только на накопление знаний, но и на развитие духовных сил. Он выступает против исключения древнегреческого языка из программ гимназий. «Древняя филология», по мнению Грановского, – это незаменимое средство логического, нравственного и эстетического воспитания.

Изучение древних языков умственно организует ученика, стимулирует его знать и соблюдать логические правила, придерживаться математической точности и определенности. Кроме того, для Грановского памятники греко-римской культуры являют собой «совершенное сочетание изящной формы с благородным содержанием» [3, с. 463].

Главными деятелями древней истории, считает русский историк, были Греция и Рим. Муниципальный характер организации античных городов наложил отпечаток на многие стороны их жизни. Например, в языке упрочились такие слова, как «гражданин», «право», «свобода». «Гражданин взял верх над человеком ... человек настолько пользовался правами, насколько принадлежал тому или другому государству», – пишет Грановский [9, с. 5]. Отсюда напрашивается вывод: не надо бояться древнегреческого языка, надо его изучать, чтобы учиться быть свободным. До

1851 г., т.е. до ликвидации древних языков в программе гимназий, средние заведения ставили перед собой и довольно успешно выполняли задачу подготовки своих воспитанников не только к университету, но и к самой жизни. Преподаватели, считает Грановский, нацелены были не добиться «поверхностного многознания», а в полной мере развить способности своих учеников [3, с. 464]. Сама по себе правительственная мера по исключению древних языков из программ гимназий была нацелена на снятие заведомых трудностей в обучении, однако на деле все стало оборачиваться не облегчением, а механическим упрощением. По мнению Грановского, упрощение не есть облегчение или помощь, это нерелексивное уменьшение сложности.

Классическое образование, как считает ученый, это обучение через слово, через обсуждение, общение, где преподаватель, его коллеги и студент являются субъектами культурного диалога [8]. Во многом именно поэтому историк-медиевист читал, помимо запланированных учебных занятий, много публичных лекций, на которые к нему стекались слушатели со всех концов Москвы. Именно такие лекции создали славу Грановскому как красноречивому оратору. В письме своему другу Н.В. Станкевичу он пишет: «Самое лучшее приходит в голову уже во время лекции. При изложении я имею в виду пока только одно – самую большую простоту, естественность, избегаю всяких фраз» [3, с. 334]. Молодой профессор также делится с другом ораторскими секретами. Он признается, что строго придерживается заранее подготовленного конспекта, но при этом может пошутить или выдать импровизацию. Главное для него – не развлекать и увлекать публику, а образовывать и просвещать с помощью строгих аргументов и актуальных исторических аналогий.

Грановский искренне надеется, что умственный строй русского человека, не затронутый глубокими перипетиями формирования западной рациональности, способен «приступить без задних мыслей к разбору преданий, с которыми более или менее связано личное дело каждого европейца» [3, с. 453]. Это суждение в особенности касается ученых. Обучаясь в Берлине и путешествуя по Европе, Грановский приобрел немало соратников в научном сообществе. Дружба и сотрудничество с такими учеными, как немецкий философ К. Вердер, проповедник еврейской общины в Праге М. Сакс, словацкий и чешский славист П. Шафарик, итальянский географ А. Бальби, а также с другими исследователями позволили Грановскому не «одеваться в одежды чужого образования», а в ходе диалога «на равных» способствовать развитию науки [3, с. 598].

В качестве обобщения можно сказать следующее. Грановский считал, что классическое и реальное образование – это два связанных, но не совпадающих между собой процесса, каждый из которых несет функциональную нагрузку. Классическое образование по форме представляет собой изучение латинского и греческого языков, а также античной литературы, но своим содержанием оно способствует духовному развитию ученика: интеллектуальному, нравственному и эстетическому.

Реальное образование формально охватывает контуры естественно-научных и математических знаний, при этом его содержание нацелено на формирование материалистических представлений учащихся. Будучи сторонником классического образования, Грановский признает важность знаний политехнического цикла. Соответственно, он не видит дилеммы, вокруг которой на его глазах разворачивается спор. Он считает, что искомые виды образования полезно воспринимать как гармоничное целое, выполняющее общественное назначение: классическое – через «слово», реальное – посредством «дела». Лекции Грановского носили самозаряжающий характер, жили своей собственной энергией и логикой. Своими строгими аргументами,

актуальными историческими аналогиями и академическим красноречием Грановский вселял слушателям надежду на лучшую жизнь, формировал их активную гражданскую позицию.

Библиографический список

1. Андреев А.Л. Гуманитарные контексты российского технического образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 4. С. 62–72.
2. Герцен А.И. Былое и думы. В 2 т. М.: Слово, 2001. Т. 1. 912 с. Т. 2. 552 с.
3. Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 672 с.
4. Кавелин К.Д. Извлечение из письма от 4-го марта (16-го) октября 1862 года из Парижа. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. С. 214–226.
5. Корсаков Д.А. Из жизни К.Д. Кавелина во Франции и Германии в 1862–1864 гг. (по его переписке за это время) // Русская мысль. М.: Тип. И.Н. Кушнерова и К., 1899. Кн. XI. С. 1–20.
6. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Вариативность личностного и профессионального развития психологов // Психолого-педагогический поиск. 2022. № 1 (61). С. 143–159.
7. Лихачева О.Н., Шилович О.Б., Королева Ю.В. К вопросу о моделировании гуманитарного образования в рамках современного технического вуза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 200–202.
8. Михайлова Е.Е. Т.Н. Грановский как субъект культурного диалога // Вече. 2022. С. 42–50.
9. Т.Н. Грановский. Лекции по истории средневековья / сост. С.А. Асиновская. М.: Наука, 1986. 429 с.

T.N. GRANOVSKII ON THE VALUES OF CLASSICAL AND POLYTECHNICAL EDUCATION

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *The views of the Russian historian-medievalist T.N. Granovsky on the meaning and social significance of classical (humanitarian) and real (polytechnic) education are considered. It is pointed out that Granovsky joined the dispute between representatives of classical and polytechnic education when he published an open letter to the Minister of Public Education of Russia. It is shown that, being a supporter of classical education, Granovsky did not exclude the importance of polytechnic knowledge, so he perceived both types of education as coherent, but not entirely coinciding processes. It is concluded that classical education carries a discursive load, while polytechnic education carries an activity load. It is noted that, from Granovsky's point of view, they are able to form a harmonious whole.*

Keywords: *T.N. Granovsky, culture, classical and polytechnic education.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор кафедры психологии, истории и философии, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

About the author:

MIKHAILOVA Elena Evgenievna – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

УДК 316.28:1

КОММУНИКАЦИОННАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

К.В. Смирнова, М.И. Михеев

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Смирнова К.В., Михеев М.И., 2023
DOI: 10.46573/2409-1391-2023-4-19-23

***Аннотация.** В статье рассматривается коммуникация в качестве социальной категории, обуславливающей формирование сознания личности и ценностных ориентиров, усвоение общественной практики. Описывается значимость взаимодействия человека с окружающим миром в процессе социализации (первичной и вторичной). Анализируется трансформация условий осуществления коммуникации в рамках цифрового пространства и, как следствие, минимизация эмоционального наполнения межличностного взаимодействия.*

***Ключевые слова:** коммуникация, социализация, личность, самоидентификация, цифровое пространство.*

Коммуникация – один из ключевых антропологических параметров, обуславливающих формирование личности, сознания, культурных ценностей человека в процессе социализации. Коммуникативные процессы лежат в основе построения мировоззренческого базиса воспитания и образования личности. Интеракция социальной адаптации и взаимосвязь индивидов определяются темпоральностью бытия, привносящей особенности, присущие конкретной области действий, ситуации, процессу. Э. Гидденс пишет: «Ситуативный характер социального взаимодействия может быть исследован относительно различных локальностей, посредством которых согласуются обыденные действия индивидов. Локальность – это не только место, в котором разворачивается то или иное взаимодействие, но и окружающая его среда... Фоновые ожидания постоянно (и по большей части автоматически) используются социальными акторами для организации и поддержания осмысленного коммуникативного процесса» [2, с. 22].

Общение, являясь средством межличностного взаимодействия, влияет на эволюционные процессы в обществе. Это стало особенно очевидно в XX–XXI вв., когда информация стала рассматриваться в качестве сырья, товара, меры труда. Произошло качественное изменение коммуникационных процессов, они стали иметь опосредованный, дистанционный характер, что привело к увеличению количества